

Внимательно рассматриваю Юру. Черты лица у него, пожалуй, порезче, поглубже, чем у брата. Волосы темные, только что не черные. Густые брови. Карие глаза. Быстрые и влажные, как у жеребенка. Крупный прямой нос. Бледные, чуть розовые губы. Смуглые щеки. Резко очерченный подбородок. Не то чтобы очень красив, но такие парни нравятся девушкам.

— Просто неразумно бросить школу перед экзаменами,— говорю я.— Пустить насмарку десять лет...

— Неблагоразумно, — иронически соглашается Юра.

— Да, неблагоразумно,— подтверждаю я.— Насколько все усложнится для вас в будущем!

— Ему открыта прямая дорога в университет,— стонет Анна Григорьевна.— У него блестящие способности...

— Разум и благоразумие не одинаковые понятия,— назидательно поясняет Юра.— Благоразумие — божок обывателей...

Однако он постепенно позволяет себя убедить.

Анна Григорьевна облегченно вздыхает.

— Преподаватель химии прочит Юре блестящую будущность,— делится она со мною своей мечтой.— С его работой об инсектицидах познакомились на химфаке...

Сергей Петрович заключает разговор:

— Ты даешь слово?

— Ладно,— мрачно соглашается Юра.— Подчинюсь благоразумию.

Через месяц Юра внезапно опять появляется у меня.

Июньский вечер, тепло. Но Юра в костюме. Ему хочется выглядеть старше своих лет.

— Как дела?

— Псрядок.

Лезет во внутренний карман, протягивает аттестат.

— Ого! Одни пятерки...

Желтый закат льется в раскрытое окно. За стеклами шкапов светятся корешки книг. На подоконнике в глиняной обливной вазе букет сирени. Лиловые гроздья кажутся розовыми. Юра подходит к цветам, пря-

чет в них лицо. Как ни серьезничает, а все-таки еще очень молод!

— Рассказать вам о Тане?

ВСТРЕЧА В ТРЕТЬЯКОВКЕ

Рассказывает Юра сумбурно, то излишне подробно, то скороговоркой, а чего не договаривает, я мысленно договариваю за него.

Таню он знает шесть лет. С того самого года, когда Зарубины получили новую квартиру и Юра попал в новую школу. Была самой заурядной девчонкой.

Как-то организовывали лыжную вылазку. Пригласили Таню. Не пошла.

— Мама не позволяет надолго отлучаться из дому.

— А что ты делаешь дома?

— Шью, читаю.

Юра дал ей «Жизнь взаимы». Роман Ремарка. Она вернула книгу через два дня.

— Ты это с какой целью дал мне такую книжку?..
«Дура!»

Так Юра, конечно, не сказал, но подумал.

В прошлом году осенью Светлана Павловна, преподавательница литературы, задала домашнее сочинение: «Русская природа в произведениях Левитана». Нашлись, конечно, такие, что ограничились репродукциями. Но большинство решило пойти в Третьяковку... Клава Полухина, секретарь комсомольской организации, предложила организовать экскурсию. Массовое мероприятие! Но Светлана Павловна воспротивилась:

— Не для галочки посылают вас в Третьяковку, пусть каждый побудет с Левитаном наедине.

Пошел и Юра. Побыл наедине с Левитаном. И заодно навестил Нестерова.

— Очень я люблю этого художника. Стою перед «Видением отроку Варфоломею»... До чего все необык-

новенно! Сухая осень. Опаленная ветерком травка. Обломанная елочка. За леском церковка. Два голубых куполка. Внизу серые сараюшки. Гряды зеленой капусты... Как надо любить Россию, чтобы так ее написать! И стоит посреди этой России отрок. Смотрю и не могу наглядеться. Гладкие льняные волосы, огромные синие удивленные глаза, прямой, чуть вздернутый нос, чуть припухлые скорбные губы, тонкая шейка... Да за такую девушку, с таким лицом, умереть можно!

Встал Юра перед картиной, задумался, ушел в себя. Оборачивается и... сперва не может даже понять. Рядом — Варфоломей.

Так заново он открыл для себя Таню. Это была Таня Сухарева, на которую Юра никогда не обращал внимания.

— Таня, ты?

— Я.

— А ты видишь, кто перед тобой?

— Мальчик...

Они вышли из Третьяковки рука об руку. Дошли до набережной.

— Пошли в кино?

— Нет, нет...

Юра не помнит, о чем они в тот раз говорили, но, когда они уже прощались, Таня вдруг широко раскрыла глаза, посмотрела так, точно увидела Юру впервые и сказала:

— Знаешь, Юра, ты... удивительный!

Они стали встречаться каждый день. Таня стеснялась подруг. Юра пораньше выходил из школы и ждал где-нибудь за углом. Скучно им не было. Они гуляли, радовались первому снегу, ходили по музеям...

Однажды Юра уговорил Таню пойти в театр. Она редко бывала в театре и очень волновалась. Он повел ее на «Марию Стюарт». Юра не поклонник Шиллера, но он решил образовывать Таню. А перед этим дал прощсть Цвейга.

Когда Мария Стюарт шла на казнь, Таня судорожно вцепилась ему в руку.

— А где... собака?

Цвейг рассказывает, как любимая собачка Марии Стюарт выскочила после казни из складок ее платья. Цвейг и Шиллер слились у нее в одно.

Потом ехали в метро. Потом шли пешком. Потом... Потом остановились в воротах ее дома, и Юра ее поцеловал.

Как-то Юра уговорил Таню пойти в кафе. Выбрали подальше от своего района, чтобы не попасться никому на глаза... Таня была в кафе впервые.

Юра заказал ужин. Сухое вино Тане не понравилось. Тогда Юра заказал ликер, и ликер она выпила. Уговорились вернуться пораньше, но решили потанцевать и не заметили, как прошло время. Вышли из кафе около одиннадцати.

— Ой, что мне будет!..

К счастью, на углу стояли такси. Через двадцать минут Таня была дома.

В школу она пришла с распухшим лицом. На щеке синяк, один глаз заплыл.

— Шла в темноте по коридору, сосед внезапно открыл дверь,— объяснила она.

А после урков призналась Юре, что ее побил мать.

Мать, оказывается, не спала. Сидела в темной комнате у окна и ждала дочь. Она видела, как подъехала машина, как Таня выскочила из такси, как послала воздушный поцелуй...

И как только дочь вошла в комнату, началась расправа.

— И ты молчала?

— А что мне оставалось...

— А отец?

— У меня нет отца...

Оказалось, Таня не знает своего отца. Он обманул ее мать и исчез еще до рождения Тани.

Мать Тани считает, что все мужчины — негодяи.

— Легче видеть тебя мертвой,— говорит она Тане,— чем обманутой каким-нибудь лоботрясом.

Мать Тани выросла в деревне.

После войны на помощь колхозу посылали студен-

тов. Один из них и обманул Танину мать. Она была еще совсем юной девушкой. Пообещал жениться, увезти с собой, а сам исчез, едва узнал о ее беременности.

Мать уехала от пересудов в Москву. Приютила ее какая-то сердобольная бабушка Дуся, помогла даже устроиться на фабрику. Таня родилась уже в городе. Жизнь, конечно, у матери была не сахарная: работа, ребенок, да еще божья старушка, за которой тоже приходилось ухаживать, как за ребенком.

Бабушка Дуся умерла, когда Тане исполнилось восемь лет. Достались им в наследство комната и незатейливое бабкино имущество: кровать, комод и кнут.

После своего признания Таня настороженно посмотрела на Юру:

— Одну тайну ты узнал...

— А разве есть еще тайна?

— Есть. Я скажу. Только позже.

Юра не допытывался: рано или поздно Таня все равно с ним поделится.

По правде сказать, он не придал ее исповеди большого значения: какое, в общем, ему дело, есть у нее отец или нет!

Потом заметил, что Таня ждет и от него рассказа о своей семье.

Он просто предложил:

— Познакомить тебя с моими предками?

— Ой, что ты!

Все же Юра звал ее к себе. Она согласилась зайти только после того, как он поклялся, что дома у него никого нет.

Показал квартиру. Мамины альбомы. Таня все удивлялась, что у Юры отдельная комната.

— Поженемся, тоже будешь здесь...

Юра прервал рассказ. Точно спохватился. Я так и не понял, как далеко зашли его отношения с Таней, виноват он в чем перед ней или нет.

Парень он хороший, но избалован.

Однако заподозрить Юру в непорядочности невозможно, в нем рано проявилось чувство ответственности, он был хозяином своего слова.

ССОРА

Юра помолчал и перешел к событиям, которые и привели его ко мне.

Как ни боялась Таня матери, она согласилась встречать Новый год вместе с Юрой. На школьный бал Таню мать не могла не пустить. А оттуда легко сбежать к Зарубиным.

Юра принялся выяснять, где встречают Новый год родители. Обычно они куда-нибудь уезжали. Закинул удочку: как посмотрят, если у него соберется небольшая компания? Возражений не встретилось. Все было на мази. И вдруг Таня объявляет, что никуда не пойдут: не пускает мать.

— Вина у нас не бывает, но я куплю лимонада и мысленно чокнусь с тобой в двенадцать часов...

А тут сюрприз от родителей: они перерешили, надо кого-то пригласить, удобнее дома...

— Ты зови своих приятелей, мы тебя не стесним.

Но какое уж тут веселье под контролем папы и мамы!

Все отменяется. Но Юра не огорчился. Таня Новый год не встречает, и он не будет. Так он ей и сказал.

Зато Витька Куценко устроил Юре сцену.

— Приходите, но будут папа и мама...

Через день Витька заявляет:

— Встречаем у меня на даче. Я уже объявил родителям, что организуем лыжную вылазку...

Отец Витьки — генерал, у них шикарная дача, но зимой они там не живут. Надо поехать, заранее натопить, все подготовить...

Юра отказался:

— Нет настроения...

На него набросились:

— Сам затеял, а теперь в кусты...

Вечером под Новый год Витька предусмотрительно заехал за Юрой:

— Собирайся.

Не отступишь!

На даче целое общество. Несколько одноклассников

Юры и еще какие-то парни из дома, где живет Витька. Из девочек только Нелька и Светка из их класса.

«Представляю, что будет, если я приду домой пьяным. Меня принялись бы воспитывать с утра до вечера. Отец читал бы лекции, ссылаясь на моральный кодекс, грозил вмешательством комсомола. Мать приводила бы дурные примеры из жизни художников... А Витька не раз приходил домой пьяным и хоть бы что. Не знаю, как Витькин отец командовал на фронте, но перед Витькой он все время в обороне».

Сели. Шум. Радиола. Витька во главе стола.

— Прошу не церемониться... Юра, тебе чего: водки или коньяку?

— Я не буду пить.

— Нелька, расшевели его!

Насели на меня, выпил я рюмку.

— Потанцуем...

Пригасили свет.

— Юрочка, и что ты нашел в этой несчастной Таньке?..

— Прекрати.

— Медуза какая-то...

Юре стало противно. Не должен он был встречать Новый год, если Таня не может. Встал. Кто танцует, кто закусывает. Радиола гремит. Вышел в холл. Так Витька называет прихожую. Оделся. Витька вслед: «Ты куда?» — «В уборную». И — ушел. На станцию. Мимо запорошенных снегом дач. Кое-где горит свет. Доносится музыка. А Юра рад, что ушел...

Все долгие дни каникул Юра не видел Таню. А когда в первый день занятий подошел к ней — убежала. Дождался у выхода.

— Таня!

— Нам не о чем говорить.

И так изо дня в день. Избегает. Решительно избегает. В конце концов у Юры тоже самолюбие...

Учится Таня все хуже. Не по себе ей. Восковая стала какая-то.

Светлана Павловна тоже пробовала с ней говорить.

— Нет, ничего, Светлана Павловна. Ничего со мной не творится. Хорошо, я мобилизуюсь.

Юра ее еще раз подстерег:

— Таня!..
— Нам не о чем говорить...
Какая-то обреченность слышалась в ее голосе...
Видал, как она переживает, но чего-то я недопонял...

День от дня она все заметнее сторонилась людей.
И вдруг исчезла. Случилось это в апреле. Не пришла в школу. День, другой, третий... Решили, что заболела. Прошла неделя. Тани нет.

Юра к Полухиной:

— Клава, надо узнать...
— Больна.
— Сходи или пошли девочек.

Сходила.

— Ты знаешь, уехала на целину.
— Перед самыми экзаменами?
— И я не понимаю.
— Адрес спросила?
— Мать говорит, не знает.

В классе только и разговоров о Тане. Уехать перед самыми экзаменами!

А тут подходит к Юре Майка, подруга Нельки:

— Мне надо тебе что-то сказать...

Вышли из школы. Майка улыбается:

— Это из-за тебя.

— Что?

— Танька уехала.

— Почему из-за меня?

— После встречи Нового года Нелька нарочно зашла к Таньке. «Не поехала встречать Новый год? Вот и потеряла Юрку! Он мне там в любви объяснился...» В общем, раскрыла Тане глаза.

На следующий день Юра говорит Нельке:

— Ты что наделала?

— Выдала желаемое за действительное!

ПОИСКИ

Юра не помнил номера дома, не знал номера квартиры, но самый дом знал хорошо. Старый двухэтажный дом. Первый этаж. Соседи Сухаревых по кварти-

ре — какая-то санитарка да инженер с женой, которые приходят только ночевать.

Пошел под вечер. Позвонил. Дверь открыла простоволосая тетка с желтым одутловатым лицом. Юра сразу подумал: вряд ли у них найдутся точки соприкосновения.

— Мне... маму Тани Сухаревой.

— Стучите налево.

Оказывается, соседка.

Налево так налево. Постучал.

— Заходите.

Вот где обитала Таня! Скромно обставленная комната. За шитьем у окна женщина. Вот какая у нее мать! Нестарая. Даже красивая. Две косы вокруг головы. Темно-русые, без малейшей седины. Большелобая. Холодные голубые глаза. На щеках легкий румянец. Бледные губы... Не похожа на Таню. И чем-то похожа... Белая блузка, темная юбка, тупоносые туфли на низком каблуке... Ничего не осталось от деревенской девушки, какой она когда-то появилась в Москве.

Вопросительный неласковый взгляд.

— Здравствуйте. Я... товарищ Тани. Мы учимся в одном классе. Мы хотим знать... В смысле — ее товарищи... Она так неожиданно уехала. Мы хотим узнать ее адрес...

А Танина мать молчит. Откладывает шитье в сторону. Встает. Сцепила спереди руки. Мало сказать, что взгляд ее недружелюбен. Она не произнесла еще ни слова, но Юра понимает, что она знает, кто он, знает все.

— Это вы тогда привезли Таню на такси? Напсили пьяной и привезли?

— Я не напаивал...

— Так вот, молодой человек, Таня уехала, и незачем вам больше сюда ходить.

Все-таки Юра пытается что-то сказать:

— Тане необходимо... закончить... школу. Понимаете? Комсомольская организация поручила мне...

А мать свое:

— Хватит! Каждый день...

— Что каждый день?

— Начала пропадать. И утром. И вечером...